

**«КОГДА СОСНА КОРНЕМ
ВВЕРХ ПРИЖИВЁТСЯ...»**

**ФОЛЬКЛОРНАЯ ПРОЗА
БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ**

Москва

**нео
лит**

2023

УДК 398
ББК 82.3(2Рос=Рус)
К57

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Рецензенты:

С. В. Алпатов, доктор филологических наук
(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова);
О. Б. Христофорова, доктор филологических наук
(Российский государственный гуманитарный университет, Москва)

Вступительные статьи, комментарии, указатели О. В. Беловой,
А. А. Заикиной, Ю. М. Кувшинской, А. Б. Мороза, Е. Е. Фроловой

Под общей редакцией А. Б. Мороза

К57 «Когда сосна корнем вверх приживётся...» Фольклорная проза
белорусско-русского пограничья / Сост., вступ. статьи, коммент.,
указатели Ю. М. Кувшинской, А. А. Заикиной, Е. Е. Фроловой,
А. Б. Мороза, О. В. Беловой; под общ. ред. А. Б. Мороза. — М. : Неолит,
2023. — 400 с.

ISBN 978-5-6049648-1-1

Книга вводит в оборот новый, до сих пор неизвестный и весьма обширный полевой материал, записанный в ходе фольклорных экспедиций в примыкающих друг к другу областях России и Беларуси (полевые исследования 2013–2019 гг. проводились в Смоленской, Брянской, Псковской областях Российской Федерации и Могилевской и Витебской областях Республики Беларусь). Сборник включает тексты так называемой несквозной прозы: рассказы исторического и квазиисторического содержания (предания) и мифологические рассказы (былички). Такое сочетание позволяет читателю, с одной стороны, посмотреть глазами местных жителей на историю края, насыщенную разнообразными событиями глобального и частного масштаба, с другой — увидеть ту воображаемую, но тоже кажущуюся реальной тайную, скрытую загадочную жизнь деревень, лесов, водоемов, населенных мифическими существами. Два взгляда на одну и ту же жизнь и на одно и то же пространство — мифологический и исторический — и взаимодействие двух родственных культур — русской и белорусской — создают возможность увидеть закономерности развития фольклорной традиции или просто окунуться в уникальный мир традиционной культуры этого региона, в котором архаические мифологические модели и современное мировоззрение сосуществуют и подпитывают друг друга. В публикуемых текстах чудо и пророчество помещены в повседневный или конкретно-исторический контексты: помещик, лишенный имения в годы Гражданской войны, предсказывает неэффективность колхозного строя, сосна, посаженная корнями вверх и проросшая, говорит о скором поражении Наполеона, утонувший в реке фашистский танк заключает в себе клад, за которым охотятся местные подростки и который охраняют русалки.

УДК 398
ББК 82.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-6049648-1-1

© Коллектив авторов, 2023
© Издательский дом «Неолит», 2023

ОТ АВТОРОВ

Мы предлагаем вниманию читателей второй сборник текстов, записанных в нескольких регионах по обе стороны белорусско-русской границы. Первая книга «Петух на три области поёт...» Фольклорная традиция белорусско-русского пограничья» вышла в 2022 г. и содержала легенды и заговоры, календарные песни и рассказы о календарных обрядах, легенды и просто фрагменты разговоров о людях иной национальности или веры. В настоящее издание включены тексты, посвященные фольклорной истории и мифологии, то есть осмыслению пространства и окружающего мира. Как и в первом сборнике, публикуемые здесь тексты были записаны на мультикультурной территории, где рядом живут католики и православные, русские, белорусы, украинцы, поляки, а административные и государственные границы не столько указывают на границы этнокультурных ареалов, сколько пересекают их. Территория, на которой мы проводили наши исследования, на протяжении многих веков была ареной важнейших исторических событий: войн, восстаний, религиозных конфликтов, — эти земли многократно переходили от одного государства к другому, храмы меняли конфессиональную принадлежность, города то пустели, то вновь наполнялись. Все это отражается в фольклорной памяти о прошлом, персонажи и события прошлых веков становятся важными знаками эпох, ориентирами в прошлом и настоящем.

Рассказы о прошлом и о настоящем, о мифологических существах, населяющих пространство вокруг, очень разные. Это далеко не всегда жанрово оформленные повествования, которые принято в фольклористике называть преданиями и быличками. Здесь и воспоминания о том, как рассказчика в детстве пугали, чтобы он не ходил в лес или к реке, и шуточные тексты, обращенные к жителям соседних сел, и сохраненные памятью поколений события Гражданской войны или раскулачивания, и описание крепостного театра, устроенного местным паном в XVIII веке, почерпнутое, вероятно, из краеведческой литературы, но превратившееся в очень важный и потому передаваемый устно рассказ о своей малой родине. Все это составляет современную фольклорную традицию, живую и динамичную.

Полевая работа велась на этой территории сначала небольшим коллективом исследователей, а затем была продолжена студенческой экспедицией Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2013–2019 гг. Предлагаемые читателю тексты составляют малую часть материалов, зафиксированных в ходе экспедиций и хранящихся в фольклорном архиве Научно-учебной лаборатории теоретической и полевой фольклористики НИУ ВШЭ.

Тексты полностью аутентичны и представляют собой дословную расшифровку аудиозаписей; все, за небольшим исключением, публикуются впервые. Для удобства чтения тексты печатаются в орфографии, приближенной к литературной, с сохранением основных особенностей фонетики. Купюры делаются исключительно в тех случаях, когда информант отвлекается на посторонние разговоры, не имеющие ни малейшего отношения к предмету своего рассказа. В остальных случаях текст дается без изменений. Купюры помечаются знаком [...]. Слова и фразы, которые при расшифровке не удалось разобрать, помечены как [нрзб.], а после слов, правильность расшифровки которых вызывает сомнение, стоит помета [?]. Шифр информанта приводится непосредственно под текстом с пометой «Инф.». Шифры собирателей даются после шифров информантов и обозначены пометой «Соб.». Расшифровки инициалов можно найти в соответствующих списках в конце книги.

Сборник снабжен обширным справочным аппаратом: комментариями к текстам, сведениями об их происхождении (где, когда, кем и от кого была произведена запись), словарем диалектизмов и малопонятных слов, сюжетно-мотивными указателями, списком населенных пунктов, где были сделаны записи.

Составители сборника выражают глубокую благодарность нашим информантам — собеседникам, которые часами делились с нами своими знаниями и воспоминаниями. В не меньшей степени мы признательны нашим многочисленным коллегам и соратникам — участникам многочисленных экспедиций.

НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Традиционная духовная культура во всем многообразии своих форм — это важнейший маркер национальной традиции, универсальный идентификатор, работающий в направлении сохранения и приумножения культурного наследия. Одним из важнейших постулатов изучения традиционной народной культуры является положение о том, что любая этническая культура по природе своей диалектна, то есть в реальном территориальном и временном пространстве представлена рядом «локальных» вариантов или «культурных диалектов», подобно тому, как любой живой язык на практике реализуется не только через свою литературную «версию», но и посредством местных диалектов.

В связи с этим особую важность для изучения народной духовной и материальной культуры в региональном и ареалогическом аспектах имеют проекты, комплексно освещающие традиции тех или иных историко-культурных регионов, в совокупности представляющие этнокультурные данные определенных локальных традиций. Результаты работы в рамках масштабного проекта по изучению фольклора русско-белорусского пограничья представлены в этой книге. Работы в рамках проекта были начаты в 2013 г. коллективом исследователей из Института славяноведения РАН и Российского государственного гуманитарного университета и были поддержаны грантами РГНФ и РФФИ (13–24–01003а, 15–24–01004 а(м), 17–24–01004–ОГН), а затем продолжены в основном силами студентов-филологов НИУ «Высшая школа экономики» при поддержке программы «Открываем Россию заново». Полевые исследования проводились в пограничном регионе по обе стороны границы: на западе Смоленской, Брянской и юге Псковской области, а также в Могилевской и на севере Витебской области.

В русле развития современной фольклорной текстологии комплексное изучение сюжетного состава, топики текстов различных жанров несказочной прозы (легенды, предания, мемуары, мифологические рассказы), бытующих и развивающихся

в регионах тесных этнокультурных контактов восточнославянских народов с их этническими соседями (внутри восточнославянской общности и вне ее — со славянскими и неславянскими этносами), а также их текстологический анализ (взаимодействие устных и книжных мотивов, механизмы адаптации заимствованных сюжетов и текстов, отражение динамики нарративной традиции в структуре текста, этнографический — обрядовый, календарный — «конвой» фольклорных текстов) представляется крайне актуальным.

Для исследователя фольклорных текстов, бытующих в регионах этнокультурного пограничья, чрезвычайно привлекательно, с одной стороны, выявить механизмы «национального» и регионального варьирования общего корпуса восточнославянских сюжетов, а с другой — продемонстрировать, как собственно региональные и «этнические» сюжеты проникают в соседние традиции, осваиваются там и в конечном счете начинают функционировать как свои собственные. Эту задачу ставили перед собой собиратели материала и авторы этой книги.

Как уже неоднократно подчеркивали исследователи, фольклорные устные нарративы разных жанров, бытующие в зоне культурного пограничья или формирующиеся в русле «пограничной» традиции, отличаются от нарративов метрополии своей «комплексностью», «мозаичностью», «неординарностью» в силу того, что «пограничные» тексты являются репрезентантами сразу нескольких соседствующих традиций (Антропов, Белова 2012; Белова 2013в; Агапкина 2012; Bohaneva 2013). Продолжающиеся полевые фольклорно-этнографические изыскания на сопредельных территориях России и Беларуси открывают новые исследовательские перспективы и требуют большой работы по классификации и типологизации накопленных данных.

Предварим презентацию конкретного материала несколькими общими положениями, обрисовав основные направления исследований сюжетов и мотивов легендарной и мифологической прозы.

Проблема пограничья и анклава применительно к фольклорным текстам непосредственно связана с тем, что фольклорная традиция в целом может трактоваться как текст, представленный локальными версиями, границы бытования которых могут не совпадать с современным административным делением. Для этого

необходимо выяснить, каким образом в исследуемой контактной зоне представлены и соотносятся между собой (в синхронном и диахронном планах) различные типы границ: языковые, фольклорные, этнокультурные, административные.

Понятие границы для исследованных регионов, переживших в разные исторические периоды неоднократное изменение административных границ (свидетельством тому являются до сих пор бытующие на русско-белорусских рубежах расхожие выражения «забранный край» и «отданный край», фольклорные анекдоты о границе и приграничных коллизиях и т. п.), является одним из основных понятий, на котором во многом строится мировосприятие и формируются (само)идентификационные ментальные модели.

Любопытный факт можно отметить в связи с распределением и бытованием некоторых сюжетов преданий на пограничье (как межэтническом, так и внутрирегиональном). Часто символическим маркером границы становится река или возвышенность, культовое место (урочище, камень, дерево или иной объект, с которыми молва связывает те или иные поверья) или место, где по преданию «ушла в землю» церковь (см., в частности: Лобач 2010, Лобач 2012). Например, в легенде из Витебской области, представляющей собой народный пересказ библейского сюжета об Исходе, «пограничная» река Двина, отделяющая Шумилинский район от Бешенковичского, становится тем самым рубежом, через который Моисей переводит свой народ; их преследователи тонут в реке и становятся «фараонами» — водяными духами (д. Польковичи Шумилинского р-на; ТМКБ 2: 755).

Подобное свидетельство можно было бы рассматривать как некий курьез, если бы за ним не просматривалась устойчивая тенденция. Так, в рассказе, записанном от уроженки д. Усохская Буда Добрушского района Гомельской области, говорится о том, что русалки и «палявья дзеўкі», распеваящие песни накануне хорошей погоды, живут в лугах и болотах по берегам реки, разделяющей Белоруссию и Украину (ТМКБ 6/2: 747). Таким образом, местом обитания мифологических персонажей становится река Тетева или река Терюха (у слияния этих рек и расположена д. Усохская Буда), а их образы суть не что иное, как трансформированный вариант образов поющих и сочиняющих песни «сирен», «морских людей», широко известных в украинском фольклоре (Белова 2013в: 475–477).

Для фольклора пограничья весьма показательным является формирование местных, микролокальных сюжетных комплексов. При этом сюжетный фонд несказочной прозы пограничья обладает определенным набором своих версий сюжетов, бытующих также в метрополии. Накопленный в последнее время материал позволяет дополнить картину регионального бытования этих сюжетов и выявить некоторые особенности структуры «пограничных» вариантов (Белова 2010, Белова 2013а, Белова 2013б, Белова 2023, Володина 2012; Комарова 2014). Именно на пограничные сюжеты и мотивы, а также версии обрядовых текстов (с их вербальными и акциональными кодами) имеют тенденцию объединяться в связки и комплексы и образовывать отдельные микроареалы в отличие от метрополии, где локальные варианты сюжетов расположены более «равномерно» и «просторно». При этом некоторые комплексы мотивов, характерные именно для пограничья, и динамика их развития или угасания становятся своеобразными показателями сохранности (живучести) или размывания фольклорно-языковой традиции пограничья. В связи с этим особое внимание следует уделить изучению микролокальных (очаговых) традиций на территории сопредельных районов России и Беларуси — материал показывает, что фольклорный фонд пограничья оперирует сходными комплексами сюжетов и мотивов.

Изучение текстовой и языковой структуры устных нарративов пограничного ареала позволяет устанавливать устойчивые закономерности (общий сюжетный и персонажный состав, композиционную стабильность текста, языковые особенности и характерные языковые клише в фольклорных текстах и т.п., см. подробнее: Белова 2013б).

В этих текстологических исследованиях успешно применим этнолингвистический подход, разработанный в рамках Московской этнолингвистической школы под руководством академика Н.И. Толстого, что обеспечивает анализ явлений традиционной духовной культуры с позиций отражения в языке архаических представлений и верований.

Лингвогеографический подход направлен на выявление ареалов и микроареалов распространения явлений традиционной духовной культуры (обрядов, ритуалов, мифологических представлений, связанных с восприятием окружающего мира) и текстов,

описывающих эти фрагменты народного мировоззрения. Такие исследования довольно активно проводились в 1920-е гг., однако в дальнейшем по ряду причин (в том числе и внелингвистического характера) они были надолго приостановлены. В настоящий момент в распоряжении исследователей есть не только богатый материал, собранный предшественниками, но и зафиксированный в последние десятилетия значительный объем лингвистических и фольклорно-этнографических данных, что позволяет сравнивать состояние традиции в различные временные периоды и определять механизмы ее трансформации.

Сегодня в наибольшей степени изучен брянско-гомельско-черниговский регион, давно привлекавший внимание исследователей в силу своего лингвокультурного разнообразия (Сержупутовский 1926). Однако не менее перспективным представляется псковско-смоленско-витебское и смоленско-могилевско-витебское пограничье, о чем свидетельствуют материалы, представленные в этой книге и в предшествующих публикациях авторского коллектива, в первую очередь в коллективной монографии «“Петух на три области поёт...”: Фольклорная традиция белорусско-русского пограничья» (2022). В контексте «пограничных» исследований несказочной прозы особую ценность представляли для нас тома серии «Традиционная мастацкая культура беларусаў» («Традиционная художественная культура белорусов»), посвященные Могилевщине (2011), Витебщине (2004) и Гомельщине (2012, 2013); эти издания во многом стали ориентиром и образцом при обследовании Смоленской, Псковской и Брянской областей.

Комплекс сюжетов преданий, зафиксированных в сопредельных регионах России и Беларуси, отражает, с одной стороны, общерусскую и общеполорусскую традиции фольклорной несказочной прозы, а с другой — благодаря пограничному географическому положению ряда районов — несет в себе некоторые черты традиции соседей (такую ситуацию мы фиксировали, например, в Велижском районе Смоленской области, в Себежском районе Псковской области, в Мстиславском районе Могилевской области). Работая на северо-западе Смоленщины, мы поставили своей целью сравнить записи из Велижского района с материалами, зафиксированными на территории Смоленщины ранее (ориентиром в первую очередь послужило фундаментальное собрание

несказочной прозы В.Н. Добровольского, отражающее состояние повествовательной традиции этих мест на рубеже XIX–XX вв.) (Добровольский 1891), а также сопоставить их с современными данными из других «пограничных» фольклорных традиций (использовались полевые материалы конца XX— начала XXI в. из восточных районов Гомельской, Могилевской и Витебской областей Беларуси и из Псковской области России).

При исследовании и каталогизации «исторической прозы» (предания, мемораты) наиболее важным оказалось изучение проекции исторических фактов в поле фольклорного текста. Выявление механизмов фольклоризации и мифологизации исторических событий и персонажей, нашедших отражение в локальных версиях «исторических сюжетов», позволило прояснить локальные особенности местных преданий (сюжетный состав, привязку к местному ландшафту и т.п.). Органично связанные с топонимическими и историческими преданиями локальные народные рассказы о кладях также могут обогатить уже имеющуюся базу данных сюжетов и мотивов — в «пограничных» версиях происхождение кладов часто связывается с этническими соседями или мифическими первоначальниками края (ср.: Котельникова 2016; Кербелите 2001).

В результате стало очевидно, что «пограничные» традиции обладают рядом характерных черт, что и составляет их своеобразие. Помимо того что фольклорный фонд пограничья оперирует сходными комплексами сюжетов и мотивов, представленными в соседствующих этнических традициях (в случае русско-белорусского или русско-украинского пограничья; например, в случае Злынковского района Брянской области большую роль играет соседство с Черниговской областью Украины и Гомельской областью Беларуси), важно наличие схожего внутрорегионального материала (в случае Велижского района Смоленской области значимым оказывается соседство с псковской и тверской землями, ср.: НТКПО 1). Сочетание этих элементов помогает адекватно представить ареал бытования единого комплекса народных поверий, отразившихся, например, в мифологической прозе.

Приведем лишь один пример. По поверьям, ведьмы способны отбирать молоко у коров накануне дня Ивана Купалы с помощью магических действий и приговора «что куме, то и мне...» (Виноградова 2010). Материалы из Велижского района

Смоленской области позволяют расширить и уточнить географию данного поверья. Количество записанных текстов и клишированность словесного выражения мотива отбирания молока свидетельствуют о том, что в этой локальной традиции мотив (как и поверье о собирании купальской росы) неслучаен и устойчив. Кроме того, в велижских текстах зафиксирован «параллельный» мотив — для отбирания молока «знающие» люди доили борону. Чтобы получить способность отбирать молоко, следовало «от Бога отказаться», перевернув иконы вверх ногами.

Фольклорная традиция пограничья и сегодня обогащает как общий фонд восточнославянских демонологических персонажей, так и сюжетно-мотивный состав мифологической прозы (на белорусском материале это прекрасно показала Е.М. Боганева, см.: Боганева 2013).

Своеобразной «визитной карточкой» белорусско-русского пограничья стал «доброхожий» — мифологический персонаж, представления о котором зафиксированы на границе Гомельской и Брянской областей (Боганева 2009; Лопатин 2005). Постоянно увеличивающееся количество текстов о «доброхожих» как с русской, так и с белорусской стороны помогает адекватно представить ареал бытования единого комплекса поверий об этом персонаже народной мифологии (зафиксированы схожие поверья на Смоленщине и в Калужской области), описать его функции и определить круг сюжетов быличек, в которых он фигурирует (Белова 2013б). «Доброхожие» — духи, не имеющие четкого места обитания (их можно встретить в лесу, во дворе, на дорогах, на старых межах), все время находятся в движении; внешний вид — часто в одежде с блестящими пуговицами или в военной форме. По отношению к человеку — двойственны, всё зависит от того, сумеет ли человек им угодить. Если человек ведет себя почтительно, «доброхожие» одаривают его, предсказывают судьбу.

Среди «пограничных» мифологических персонажей гомельского региона локальное распространение имеют *хохлік* (водит в лесу заблудившихся людей; Ветковский район), персонажи, которыми пугали детей, — *чалавек з жыта* (Лоевский район), *карак* и *кіка* (Октябрьский район), *жалязнячка* (Добрушский район). Один персонаж известен лишь в традиции д. Усохская Буда (Добрушский район) — *дзюндзік*, обитающий в огороде («галава клубочкам, цельца лубочкам, драцяныя ножкі, салам’яны рожкі»);

у него есть «даўбешка» (колотушка), которой он наказывает непослушных детей (ТМКБ 6/2: 470, 745–747). Аналогов этого персонажа пока не зафиксировано; можно лишь отметить, что слово *дюдик* в говорах Смоленщины означает «коротыш, малорослый человек» (Даль: 512) или «вялый, неповоротливый, нерасторопный человек, разиня» (СРНГ 8: 304). В Витебской области был зафиксирован свой «пограничный» персонаж — *лізунок*. Природа его не совсем понятна, то ли это ведьма-оборотень, то ли некое существо с длинным языком, обитающее под печкой (д. Москаленята Городокского района; ТМКБ 2: 768–769), то ли белое, с палец величиной, создание, живущее в колодце (витебско-псковское пограничье; МБ: 277). Можно предположить, что данный персонаж имеет «родственника» в иноэтничной традиции — в фольклоре белорусских евреев известен шаловливый демон *лантух*, обладающий длинным языком, с помощью которого он дразнит или пугает людей, просовывая его через окно (ЕНС: 120–121). С подобными локальными персонажами связаны некоторые сюжеты мифологических рассказов, которые мы предлагаем условно называть «точечными» в силу их географического распространения и спорадической фиксации в пограничных микрорегионах, а народные поверья об узколокальных демонических существах, бытующие на лингвокультурном пограничье, считать маркерами локальных фольклорных традиций (Белова 2018).

Среди представителей народной демонологии Велижского района Смоленской области наиболее колоритными являются черти (о них рассказывали много и охотно) — они ходят на вечеринки к девушкам; морочат рыбаков, якобы накладывая им в сети рыбу, которая потом оборачивается конским навозом; заставляют плутать пьяных; дразнят людей; являются при чтении «черной книги» и т.п. При этом есть мнение, что черти — это «заклятые» (проклятые) дети (Петров 2014). Любопытно, что в данной локальной традиции мотив «заклятых» реализуется и в этиологических легендах, и в быличках, и в поверьях. Среди «заклятых» помимо чертей и бесов оказывается лягушка (происходит из проклятой матерью дочери).

Таким образом, фиксируя факты сосуществования и взаимодействия фольклорных традиций на пограничье, исследователь получает возможность отмечать в сюжетах и мотивах несказочной прозы общие и локальные черты (Белова 2014), редкие

мотивы, которые спорадически фиксируются в сюжетах, распространенных повсеместно (именно такие персонажные, сюжетные и лексические «раритеты», будучи зафиксированы на этнокультурном пограничье, могут указывать на возможное влияние иной региональной или этнической традиции).

Применение понятий типичного и уникального к текстам несказочной прозы (в первую очередь здесь мы имеем в виду мифологические рассказы) позволяет не только оценить степень распространенности сюжета или мотива, связанного со сферой народной мифологии, но и понять принципы, благодаря которым строятся региональные, локальные и единичные мифологические тексты, а также выделить некоторые параметры, благодаря которым текст может рассматриваться исследователем как типичный или уникальный. Немаловажное значение для предпринимаемого анализа имеет также предложенное Ю.Е. Березкиным разделение мотивов на элементарные (нуклеарные) мифологемы и сюжетообразующие (их структурные элементы рассредоточены и распределяются в пределах всего повествования); при этом сюжетообразующие мотивы включают структурные (неизменяемые) элементы текстов, благодаря этому фабула не распадается и сохраняет самоидентичность во времени и пространстве (см.: Березкин). Такой подход открывает возможности для расширения представлений об ареальной структуре лингвокультурного пограничья и дает интересный материал для картографирования не только мотивов фольклорных нарративов, но также функций, признаков и наименований локальных персонажей низшей мифологии.

Потенциал гуманитарных исследований в области изучения культурного межрегионального взаимодействия действительно велик. Широкие перспективы открываются в связи с возможностью сопоставления в одном пространстве (в рамках этнокультурного ареала, в данном случае определяемого как «культурное пограничье») типологически однородных, но локально разнообразных текстов народной культуры. Исследования такого рода призваны наглядно продемонстрировать действие культурных механизмов, обеспечивающих сохранность традиции на сопредельных территориях, связанных общностью исторических судеб.

Региональные версии топонимических и исторических преданий и мифологических рассказов, число которых в последние

годы резко возросло в результате активных полевых исследований, представляют ценный материал для сравнительного анализа несказочной прозы различных национальных традиций и постоянно должны быть учитываемы при создании сюжетно-мотивных указателей. Новые версии сюжетов могут расширить наши знания о том, как фольклорно-мифологическое сознание отражает мир, как в различных культурах формируется своя «национальная» картина мира и как в результате диалога культур взаимно обогащаются фольклорные традиции (см.: Белова 2010).

Полевые исследования последних лет позволяют не только обнаружить новые версии известных сюжетов или новые регионы их распространения, но и дают возможность наблюдать динамику развития фольклорной традиции. Взаимное влияние соседних регионов, возросшая мобильность, распространение разного рода печатной и медийной продукции, связанной с мифологическими и историческими сюжетами, оказывает заметное влияние на формирование новых верований и текстов, которые, смешиваясь или накладываясь на локальную нарративную традицию, дают мощный импульс дальнейшему ее развитию. То же можно отметить и в связи с адаптацией нарративов, посвященных событиям относительно недавнего прошлого, становящимся у нас на глазах составляющими фольклорных сюжетов: немецкий танк, утопленный в реке, вызывает не меньший интерес, чем мифическая золотая карета Наполеона, а его поиски описываются по той же схеме, что и поиски кареты. Но наряду с фольклоризацией исторических нарративов, включением все более поздних реалий в сферу фольклорного мироописания мы видим, что существенная для локальных сообществ информация о прошлом не уходит и не забывается, а, напротив, поддерживается в устном бытовании и служит важным инструментом выстраивания локальной идентичности. Рассказы о людях и событиях XVIII–XIX вв., имевших непосредственное отношение к региону, не только не забываются, но служат своеобразным ориентиром и маркером пространства и времени.

Как уже отмечалось, выводы о состоянии сюжетно-мотивного фонда фольклорной прозы на пограничье могут и должны корректироваться с учетом введения в научный оборот новых данных и зависеть от степени охвата фактического материала (Белова 2013б: 216). Находки полевых сезонов 2013–2019 гг. и новейшие

публикации фольклорных материалов с русско-белорусского пограничья вполне подтвердили это положение: в распоряжение исследователей предоставлен обильный и интересный материал.

Авторский коллектив продолжает работу по описанию структуры лингвокультурного пограничья, опираясь на данные языка, фольклора и традиционных верований, с целью показать единство культуры русско-белорусского пограничья, ее специфику на фоне восточнославянского этнокультурного континуума. Публикуемые в этой книге материалы и исследования представляют читателям результаты очередного этапа этих перспективных изысканий.

О. В. Белова, А. Б. Мороз